

УДК 101.8:316.3

**СОЦИАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КАК «ВОЙНА В ЯЗЫКЕ»:
Ж. БОДРИЙЯР, Р. БАРТ, О. РОЗЕНШТОК-ХЮССИ***канд. филос. наук О.В. МАЩИТЬКО**(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Представлен анализ лингвистической фиксации социального разделения в рамках современных философских моделей. В качестве основных объектов анализа взяты философские концепции Ж. Бодрийяра, Р. Барта, О. Розенштока-Хюсси. Актуальность исследуемой проблемы связана с тем, что важнейшим направлением исследования в рамках современной философии является рассмотрение социального в семиотическом преломлении, когда любые социальные и культурные феномены – от обыденного мышления до искусства, философии, политики – неизбежно закреплены в знаках и в качестве знаковых механизмов могут быть интерпретированы. Современной лингвистической философией языка социальные различия анализируются прежде всего как «война в языке». Во всех рассмотренных теориях отмечаются два преимущественных аспекта изучения лингвистического измерения социальных различий. Во-первых, социальное разделение фиксируется в языке. Во-вторых, социальные противоречия нейтрализуются в лингвистической плоскости. Основой разделения языков во всех обозначенных теориях является отношение к власти, понимаемой также в семиотическом аспекте.

Введение. Всё возрастающее внимание к лингвистической проблематике и многоплановым социальным отношениям, возникающим по поводу языка, становится органической частью трансформаций, переживаемых социально-гуманитарными науками. Проблематика языка и языковых отношений многократно актуализируется в условиях процессов глобализации, усиления значимости взаимопонимания при удержании всего ценного, что связано с культурно-лингвистическим многообразием человечества. Актуальность проблемы языка в осмыслении социальных отношений приобретает также исключительную важность в связи с процессом перехода к информационному обществу.

Одно из важнейших направлений исследования в рамках современной философии языка – рассмотрение социального в семиотическом преломлении, когда любые социальные и культурные феномены – от обыденного мышления до искусства, философии, политики – неизбежно закреплены в знаках и в качестве знаковых механизмов могут быть интерпретированы.

Данное исследование посвящено анализу лингвистической фиксации социального разделения в рамках современных философских моделей. В качестве основных объектов анализа взяты философские концепции Ж. Бодрийяра, Р. Барта, О. Розенштока-Хюсси. Соединение в рамках единой исследовательской стратегии таких не столь очевидным образом рядоположенных концептуальных образований, как «симуляция» Ж. Бодрийяра, «мифологии» Р. Барта и «грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси, может стать подтверждением того, что в философской науке имеют место не только тенденции плюрализации, но и интегрирующий потенциал.

Социальное различие как кодекс знаков: Ж. Бодрийяр

В концепции Ж. Бодрийяра исследование социальных противоречий осуществляется исходя из принципа гиперреальности. В современную эпоху социальное становится гиперреальным, основывается на симуляции, что означает стирание грани между реальностью и воображаемым. Соответственно, с утратой реальности в сферу симуляции перемещается и анализ социального.

Бодрийяр постулирует, что в условиях гиперреальности фактически не осталось места для реальных социальных противоречий. Они перемещаются в семиотическую сферу, в сферу симуляции. Это проявляется в двух содержательных моментах: во-первых, происходит знаковая дифференциация общества, заменяющая реальные противоречия; во-вторых, возможные протесты против «господства симулякров» также разворачиваются в семиотической сфере.

Первый аспект семиотического отражения социальных противоречий связан с дифференциацией людей с помощью знаков. В работе «Система вещей» Бодрийяр приходит к выводу, что современная система потребления основана не на потреблении и наслаждении, а на кодексе знаков и отличий. Потребление является эквивалентом языка, в котором первична не первоначальная функция, не экономическая составляющая, а социологическая система знаков. Важна не стоимость, а символическое значение. Товары сегодня производятся как знаки, а знаки (имеется в виду культура и искусство) – как товары. Знаковый характер присущ производству и труду; мы окружены не вещами, а знаками – знаками счастья, престижа, самой реальности. Потребляются не вещи, а отношения. Обращение, покупка, продажа и присвоение вещей как знаков составляет язык нашей культуры. Члены общества общаются на этом языке. Прочтение языка вещей дает понимание того, как функционирует современное общество.

Одна из ключевых функций знаков-вещей – знаковая стратификация общества. Знаковая дифференциация общества устраняет реальные социальные противоречия. Идеальным пространством для реализации знакового расслоения общества является, по Бодрийяру, современная городская среда. Если в XIX веке город был политико-индустриальным полигоном, то сегодня это полигон знаков, кодов, средств массовой информации. Суть современного города – в знаке, не случайно Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» употребляет применительно к городу понятие «семиократия»: «Каждая практика, каждый миг повседневной жизни отнесены посредством разнообразных кодов к определенному пространству-времени. ... Система воспроизводит себя не только в экономическом пространстве, но и в глубину – через сложную систему знаков и кодов, через символическое разрушение социальных отношений. ... Сегодня он является преимущественным местом исполнения знаков — как исполнения приговора, от которого зависит жизнь или смерть. ... Его суть – заточение в форме/знаке – повсюду. Он весь представляет собой гетто телевидения, рекламы, гетто потребителей/потребляемых, заранее просчитанных читателей, кодированных декодировщиков медиатических сообщений, циркулирующих/циркулируемых в метро, развлекающих/развлекаемых в часы досуга и т.д. Каждое пространство/время городской жизни образует особое гетто, и все они сообщаются между собой. Сегодня социализация – вернее, десоциализация – происходит путем такого структурного разбрасывания по многим кодам. ... Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всем – в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [1, с. 157 – 159].

Второй аспект лингвистического рассмотрения социальных противоречий заключается в том, что протест против обозначенной модели «семиократии» наиболее эффективен также в семиотической плоскости. Тотальное манипулирование кодами и значениями, которое представляет собой «городское гетто», уязвимо не со стороны вещей, а со стороны знака.

Бодрийяр иллюстрирует это на примере граффити. Он приводит в пример «восстание знаков» весной 1972 года в Нью-Йорке, когда город захлестнула волна граффити. Бодрийяр интерпретирует эти события как стихийную борьбу против власти средств массовой информации, знаков господствующей культуры. Задача граффити состоит в том, чтобы сбить с толку обычную систему наименований, где каждый элемент встроен в семиотическую систему и осмыслен лишь в качестве переменной, подчиненной коду. Граффити осуществляют тотальное наступление на уровне формы. В нем нет содержания, нет сообщения. Но именно эта пустота образует их силу. Знаковая система города, «гетто западной цивилизации», разлагается одним присутствием граффити: «Непобедимые в силу самой своей скудости, они противятся любой интерпретации, любой коннотации, да и денотата у них нет никакого; избегая как денотации, так и коннотации, они тем самым оказываются неподвластными и самому принципу сигнификации и вторгаются в качестве пустых означающих в сферу полновесных знаков города, разлагая ее одним лишь своим присутствием. ... Это вытекает из революционной интуиции – догадки о том, что глубинная идеология функционирует теперь не на уровне политических означаемых, а на уровне означающих, и что именно с этой стороны система наиболее уязвима и должна быть разгромлена» [1, с. 160 – 162]. В силу этого граффити является всегда чем-то большим, чем озорство, хулиганство или способ творческой самореализации. Это наступление на семиократию, обладающее социальной и политической значимостью. Понимание этого иногда приводит к тому, что для знакового протеста иногда отводится определенное место. Примером может служить стена протеста в Стокгольме, являющаяся чем-то вроде свободы протестовать в определенном пространстве-времени. По символическому значению ее можно сравнить со средневековым карнавалом.

Возможен идеологический перехват знакового протеста. Как указывалось выше, Бодрийяр утверждает, что сила граффити – в его пустоте, в том, что он является анти-дискурсом, неприступным для организованного дискурса. Наделение смыслом лишает его силы. Это возможно, по крайней мере, двумя способами:

- 1) эстетическая редукция – переосмысление граффити как искусства («народного творчества», «абстрактного экспрессионизма» и пр.). Граффитисты в этом случае именуются «художниками граффити»;
- 2) истолкование граффити в понятиях борьбы за свободу личности, неконформизма, как способ выживания в бесчеловечной среде.

Оба способа являются искажением сущности граффити как протеста в сфере означающих, призванного разрушить семиократическую природу общества.

Мифологизация как лингвистический перехват конфликта: Р. Барт

В работах Барта лингвистический аспект рассмотрения социальных противоречий также распадается на два взаимосвязанных аспекта:

- 1) социальные противоречия фиксируются в языке;
- 2) социальные разделения нейтрализуются в сфере языка, а именно при помощи мифологизации.

Фиксация социальных противоречий в языке связана прежде всего с разделением энкратического и акратического языков, или, как их по-другому называет Барт, социолектов. Их разделение базируется на отношении к власти. Власть в данном случае понимается как способность к устойчивой организации дискурса, хотя связь дискурса с властью, как отмечает Барт, редко бывает прямой и непосредственной. «Война в языке» не естественна, не изначальна. Она возникает там, где социальное различие превращается обществом в конфликт: «...предполагают даже, что существует изначальный параллелизм между разделением общества на классы, расчленением символического поля, разделением языков и невротическим расщеплением психики» [2, с. 536].

Социолекты – продукты расслоения общества, в результате которого отдельные группы «замыкаются» в границах определенного языка. Вывод Барта категоричен: язык принудителен по отношению к тем, кто его разделяет. Язык не позволяет, а заставляет. Нам вменяется в обязанность ангажированность, причастность одному из видов языков.

Для языка энкратического – внутривластного – характерна прежде всего вездесущность: «Пользуясь поддержкой государства, энкратический язык вездесущ: это язык размытый, текучий и всепроникающий, им пропитаны процессы товарного обмена, социальные ритуалы, формы досуга, социосимволическая сфера (особенно, конечно, в обществах, где имеется массовая культура)» [2, с. 530]. Энкратический язык нечеток, расплывчат, трудноуловим, выглядит как естественный. Далее, властный язык составляет оппозицию всякой системности, точнее, он скрывает свою системность, ссылаясь на «здоровый смысл». В качестве языка доксы его нелегко распознать, и в то же время от него некуда деться. Властный язык также характеризует полнота, это дискурс, в котором нет места «другому». Поэтому он действует подавляюще.

Акратические дискурсы вырабатываются вне доксы и направлены против нее. Подчиняющее действие акратического языка более явно по сравнению с энкратическим, репрессивная сущность которого завуалирована: «акратический же социолект, находясь вне власти, вынужден прибегать к прямому насилию и действует подчиняюще, пускает в ход наступательные фигуры дискурса, призванные скорее принудить, нежели завоевать другого. Два способа устрашения различаются также и ролью, которая признается в них за системностью: акратическое насилие открыто опирается на обдуманную систему, энкратическая же репрессивность свою систему затемняет, превращает обдуманное в «пережитое» (т.е. необдуманное); две дискурсивные системы связаны отношением инверсии – явное/скрытое» [2, с. 532].

Способом нейтрализации социальных противоречий является мифологизация – создание социального мифа. Миф имеет языковую природу, это «похищенный язык», вторичная семиотическая система, которая может строиться на основе любого смысла и даже на его отсутствии: «это язык, не желающий умирать; из смыслов, которыми он питается, он извлекает ложное, деградированное бытие, он искусственно отсрочивает смерть смыслов и располагается в них со всеми удобствами, превращая их в говорящие трупы» [3, с. 99].

Барт приводит несколько примеров смягчения социального разделения при помощи языка. Вот некоторые из них:

1. Социальному противоречию, связанному с процессом эмансипации, соответствует миф, названный Бартом «романы и дети». Речь идет о том, что признанное обществом за писателями негласное право на достаточно вольный образ жизни не касается писательниц-женщин, которые могут улучшать свое положение, не изменяя его кардинально: «Итак, вы можете быть свободной и смелой, играть в мужчину, заниматься, как и он, писательством, но никогда не отдаляйтесь от него, живите всегда под его присмотром, компенсируйте свои романы рождением детей; можете немного порезвиться на свободе, но затем быстро возвращайтесь к своим прямым обязанностям. Один роман, один ребенок, чуть-чуть феминизма, чуть-чуть супружеских обязанностей; пусть смелые опыты в области искусства будут крепко привязаны к семейным устоям: и литература и семья извлекут большую выгоду из такой перемены занятий; в области мифов взаимопомощь всегда плодотворна» [3, с. 64]. «Влюбляйтесь, работайте, пишите, занимайтесь коммерцией или литературой, но при этом вы всегда должны помнить, что существует мужчина и что вы не созданы по его подобию; ваше сословие свободно, но с тем условием, что оно зависит от мужского сословия; ваша свобода – это роскошь, она возможна только после того, как вы согласились взять на себя обязанности, возложенные на вас природой. Пишите, если вам так хочется этого, и мы все будем гордиться вами, но одновременно не забывайте рожать детей, ибо такова ваша женская доля. Воистину иезуитская мораль: приспосабливайтесь, как хотите, к моральным требованиям, предъявляемым к вашему положению, но никогда не покушайтесь на догматы, на которых они основаны» [3, с. 64].

2. Противоречие между «своими» и «чужими», неспособность вообразить Другого и смириться с его существованием порождает сразу два мифа – «марсиане» и «затерянный континент». Источником этих мифов служит неприязнь здравого смысла по отношению к инаковости. Столкновения с «инопланетянами» – это столкновение с Другим, тогда как миф «затерянный континент» – попытка его ассимиляции и европеизации. «Затерянный континент» – это мифология экзотизма, которая утверждает, что у всех все одинаково, различия – только во внешней колористике. Акцентирование внешней экзотичности

освобождает от необходимости глубинного анализа культурных различий, в результате чего «экзотический» объект лишается истории.

3. Конфликт мнений снимается мифом под названием «фото-шоки». Суть его – в навязывании зрителю своего языка и лишении возможности вынести свое суждение предельной простотой и ясностью сообщения: «...Схватывание уникального момента кажется произвольным, слишком преднамеренным, результатом стремления навязать зрителю свой язык, и эти изобретательно сделанные фотографии не производят на нас никакого впечатления; они интересуют нас ровно столько времени, сколько мы на них смотрим; они не вызывают в нас никакого отклика, не волнуют нас; мы слишком быстро начинаем воспринимать их как чистый знак; предельная ясность зрелища, его подготовленность избавляют нас от необходимости глубокого осмысления изображения во всей его возмущающей необычности; низведенная до уровня простого сообщения, фотография оказывается не в состоянии вывести нас из душевного равновесия» [3, с. 161].

Миф, являясь искусственным, вторичным семиотическим образованием, побуждается к жизни идеологическим концептом, фиксирующим социальное противоречие.

Социальные противоречия как «болезни языка»: О. Розеншток-Хюсси

В концепции О. Розенштока-Хюсси язык также является социальным феноменом. Способность языка творить социальное бытие он считает ключевым пунктом в понимании его собственной сущности. В силу этого природа языка объяснима через рассмотрение его «социальных свойств», а объектом философии языка являются лишь грамматические формы, имеющие «социальные последствия». В работах О. Розенштока-Хюсси также можно различить два аспекта анализа лингвистической природы социальных различий:

- 1) лингвистическая фиксация социальных противоречий;
- 2) лингвистическое устранение социальных противоречий.

Лингвистическая фиксация социальных противоречий демонстрируется на основе интерпретации различных негативных сторон общественной жизни как имеющих языковую природу. В качестве основных «социальных бедствий» называются анархия, упадок, революция и война. Все эти общественные явления называются О. Розенштоком-Хюсси «доисторическими», «доязыковыми ситуациями», при которых необходим своего рода «возврат к языку», «артикуляция». Все эти явления вызваны теми или иными «болезнями языка».

1) *война*. Языковая «болезнь» войны заключается в том, что противоборствующие стороны не разговаривают друг с другом, язык замыкается в границах каждого из воюющих. Война заканчивается, когда стороны начинают разговаривать;

2) *революция*. Создает новый язык. Революция первоначально не артикулирована, для ее полного осуществления необходим новый язык, поскольку она осуществляет насилие над существующим миропорядком, пытается утвердить собственный;

3) *упадок*. В период упадка общество слишком артикулировано, возникает лицемерие, повторение старого. В результате общество теряет способность жить для будущего, для последующих поколений;

4) при *анархии* отсутствует слушание того, что говорится в рамках собственного сообщества, что вызывает социальную разобщенность.

Таким образом, все перечисленные феномены общественной жизни имеют языковую природу, связаны с языковыми проблемами. «Болезни языка» порождают исчезновение совместного времени и пространства для членов данной социальной общности, разрушают «тело» общества.

Для иллюстрации лингвистического устранения социальных противоречий О. Розенштоку-Хюсси использует понятие «креста действительности». Каждая общность живет в совместном времени и пространстве, «оси» времени и пространства образуют так называемый «крест действительности», основой для создания данной социальной «системы координат» является язык. Слово – это социальное действие, социальная общность – это наиндивидуальный феномен, который может возникнуть лишь в пространстве языка. Общественная жизнь создается языком: «Социальное тело – это основанный на звучащем слове порядок, сутью которого является воплощение» [4, с. 308], язык «либо создает сообщество, либо убивает его» [4, с. 126]. «Крест действительности» образуют две оси пространства (внешнее и внутреннее) и две оси времени (прошлое и будущее).

Тем самым создается наиндивидуальная целостность, в которую погружены все люди, то, что обеспечивает непрерывность совокупного человеческого опыта, создает братство людей в пространстве и времени. Говорить – значит проникать в наиндивидуальное, сверхчувственное измерение, за пределы доступных отдельному человеку пространства и времени. В силу этого человеческий язык создает своеобразное «силовое поле» между теми, кто некогда жил, и теми, кто когда-либо умрет. Это «силовое поле» О. Розеншток-Хюсси по-другому называет «электрической сетью языка». Говоря, человек пребывает в своего рода центре, пространственные и временные направления от которого и образуют «крест действительности».

Языком создается усилие, которое обеспечивает защиту от хаоса и дезорганизации, от угрозы впадения в дочеловеческое состояние. Язык осуществляет сверхприродное трансцендирование пространства и времени. При помощи него каждая культура создает свое пространство и свое время, которые являются искусственными и одинаковыми для всех членов данной общности. Все дохристианские культуры, согласно О. Розенштоку-Хюсси, возникают из диалогической ситуации и представляют собой данный раз и навсегда ответ на вызовы наиндивидуальных принуждающих сил. Если люди говорят друг с другом при помощи слов, то Бог говорит с людьми с помощью «гешталтов», или целостных ситуаций, ставящих под вопрос само человеческое существование. Бог ставит людей в критическую ситуацию и требует от них свободного ответа. Поэтому каждая культура, по О. Розенштоку-Хюсси, – это плод божественного императива, это услышанное и получившее ответ слово, ставшее плотью. В этом смысле слово социально, в этом смысле язык представляет собой «жизненный процесс»: «Язык умирывает хаос природы, уничтожает распри между отдельными индивидами, присущие им разрывы существования и недостаток свободы... Язык создает мир, порядок, взаимосвязь и свободу. Он налагает на человека некоторые обязанности и обеспечивает участие в жизни, расширяя область самой жизни» [5, с. 110].

Социальные бедствия как «болезни языка» связаны с нарушениями либо во времени, либо в пространстве общества. При анархии нет единодушия, при упадке нет веры, при революции нет уважения, при войне нет силы. Таким образом, анархия и война – бедствия в социальном пространстве, упадок революции – в социальном времени. Источником их устранения также является язык. «Бедствия» общественной жизни заставляют «проговаривать» свое сознание, вдохновляют процесс познания.

В качестве примера О. Розеншток-Хюсси приводит следующие типы речи:

- рассуждение – продумывание внешнего мира – укрепление пространственной оси;
- формулировка закона – управление будущим – укрепление временной оси;
- рассказ – упорядочивание прошлого – укрепление временной оси;
- песня – создание единодушия внутри сообщества – укрепление пространственной оси.

Таким образом, демонстрируется наличие лингвистического измерения социальных процессов: «Язык – физический носитель социальных связей, направленных на установление отношений» [5, с. 130], «Язык – это пространственно-временной физический процесс, обладающий общественной значимостью» [4, с. 123]. Язык потому переживает любого говорящего индивида, что не ограничивается образованием временных отношений, а стремится к фиксации длящихся взаимодействий. Именно поэтому речь трактуется как «функция» общественных отношений. На основе этого возможно открытие единое основание для любого социального исследования. Поскольку общество, с точки зрения О. Розенштока-Хюсси, «живет» речью и умирает в ее отсутствие, постольку грамматика может дать метод изучения социальной действительности. Источником «жизненных сил» общества является язык, природа языка и природа общества тесно взаимосвязаны: социальность языка в концепции мыслителя – это один из аспектов его «нестественности», надприродности. В силу этого, именно изучение языка может наиболее адекватно охарактеризовать социальную реальность. Это своего рода обоснование предложенной О. Розенштоком-Хюсси методологии социогуманитарного познания, провозглашающей учение о языке наукой о «кровеносной системе общественного организма» [5, с. 12].

В данном контексте необходимо последовательное разделение подлинного и не подлинного языка. В обыденном, инструментальном применении язык выполняет те же функции, что и звуки, издаваемые животными, и может быть к ним приравнен. Ни одна из сущностных характеристик подлинного языка к обыденной речи неприменима. С другой стороны, О. Розеншток-Хюсси различает слово-деяние, речь как действие. В качестве таковой может выступать только формальная речь. Эти два вида языка рассматриваются как принципиально различные, несопоставимые ни по сущностным характеристикам, ни по выполняемым функциям, ни по целям, на которые направлены. Формальный язык – средство создания, поддержания и обновления политического порядка, а также средством формирования социальной целостности. Такой язык помогает человеку возвыситься над хаосом: «Язык исходит не из common sense, а приходит к нам от отцов – обосновывающих смысл творцов новой организации. Здравый человеческий рассудок использует и делает обыденным существующий язык, и благодаря ему мы чувствуем себя как дома в условиях жестокого и непоколебимого политического порядка» [4, с. 118]. Подлинное слово у О. Розенштока-Хюсси – это акт веры, сплоченности, послушания, общественного действия, оно должно быть основано на тройственной связи между общественностью, говорящим человеком и духом. Если с формальным языком О. Розеншток-Хюсси связывает создание и поддержание социальной и политической целостности, то обыденный язык может послужить причиной сбоев в их функционировании в силу его неспособности понять значение великих форм языка.

Подлинная власть языка обнаруживается в его публичности, в обращении к слушателям. Публичность высказывания гарантирует, что сказанное мы относим к себе. Слово истинно, когда оно воздействует на говорящего, возвышается над ним, тогда как независимость человека от языка, его самостоятельность возможны лишь тогда, когда он говорит о предметах. Подлинную силу языка О. Розеншток-Хюсси

видит в приказании, именно эта форма позволяет почувствовать, что такое язык. Приказание поражает, лишает самостоятельности, выводит из равновесия рассудок. Это и есть, по мнению мыслителя, сила подлинной речи. Поэтому человек, никогда не получавший приказаний, не знает подлинную силу языка: «Заповедь и приказания – это те виды вторжения в ход времени, которые показывают, что понятия мыслителя – это способ предания земле, позволяющий погребать трупы нашего языка. Ибо сила языка полагает, а сила мышления погребает» [5, с. 8].

Социальная иерархия также первоначально связана с различием в человеческом сообществе подлинного и неподлинного языка. В природе нет разделения на истинное и ложное, видимое и действительное, серьезность и игру. Это различие обнаруживается только в обществе, и возникает оно первоначально в языке.

Закключение. Теории, принадлежащие различным областям современного философствования, демонстрируют определенное единство в подходе к анализу социальных различий, а именно, что приоритетным способом изучения социальных противоречий является рассмотрение их лингвистических преломлений. Во всех рассмотренных теориях отмечаются два преимущественных аспекта изучения лингвистического измерения социальных различий:

- 1) социальное разделение фиксируются в языке;
- 2) социальные противоречия нейтрализуются в сфере языка.

При этом важно отметить специфику такого анализа по сравнению с лингвистическим.

Философский способ исследования социальных различий в языковой плоскости отличает неэмпиричность оснований. Ее основой является непрозрачность социальных отношений, неуловимость дискурса. Поэтому там, где лингвистика изучает различия в лексике, жаргонизмы, диалекты, философия способна на более глубокий анализ.

Важно также отметить, что основой разделения языков во всех обозначенных теориях является отношение к власти, при этом власть также интерпретируется в семиотическом аспекте:

- у Р. Барта – как идеология, господствующий дискурс;
- у Ж. Бодрийяра – как господствующий код;
- у О. Розенштока-Хюсси – как единый язык социальной общности, социальная «система координат».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 с.
2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: «Прогресс», 1994. – 616 с.
3. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академ. Проект, 2008. – 351 с.
4. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М., Лабиринт, 1994. – 211 с.
5. Розеншток-Хюсси, О. Язык рода человеческого / О. Розеншток-Хюсси. – М. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 608 с.

Поступила 14.05.2012

SOCIAL DIVISION AS “WAR IN LANGUAGE”: J. BAUDRILLARD, R. BARTHES, E. ROSENSTOCK-HUESSY

O. MASHCHYTSKA

This article is devoted to the analysis of linguistic fixing of social division within the modern philosophical models. As the basic objects of the analysis J. Baudrillard's, R. Barthes', E. Rosenstock-Huessy's philosophical concepts are taken. The urgency of the problem considered in the article is that the major direction of research within the limits of modern philosophy is consideration of social in semiotics refraction when any social and cultural phenomena – from ordinary thinking to art, philosophy, politicians – are inevitably fixed in signs, and can be as sign mechanisms interpreted. Social distinctions are analyzed by modern linguistic philosophy of language first of all as “war in language”. In all analyzed theories two primary aspects of linguistic measurement of social distinctions are marked. First, social division is fixed in language. Secondly, social contradictions will be neutralised in a linguistic plane. The basis of division of languages in all designated theories is relation to the power understood also in the aspect of semiotics.